

- Филин Н.А. Образы, символы и слоганы массовых протестов «зеленого движения» в Иране (2009–2020 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология, История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 107–116.
- A/37/567. 1 November 1982. Letter dated 21 October 1982 from the Permanent Representative of the Niger to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 26 [<https://undocs.org/en/a/37/567>, accessed on 26.02.2022].
- A/39/133. 19 March 1984. Letter dated 15 March 1984 from the Charge d’Affaires a.i. of the Permanent Mission of Bangladesh to the United Nations addressed to the Secretary-General. P. 36 [<https://undocs.org/en/a/39/133>, accessed on 26.02.2022].
- Andreeva, L.A. (2018) “Sekuliarnaia sviatost’: kul’t revoliutsionnykh muchenikov v Rossiiskoi imperii” [Secular Sainthood: The Cult of Revolutionary Martyrs in the Russian Empire], *Dialog so vremenem* 64: 278–295.
- Baranov, A.S. (2004) “Terrorizm i grazhdanskoe muchenичество v yevropeiskoi politicheskoi kul’ture Novogo i Noveishego vremeni” [Terrorism and civil martyrdom in the European political culture of the New and Modern times], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’* 1: 77–88.
- Castelli, E. A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New-York: Chichester: Columbia University Press.
- Ferrero, M. (2013) “The Cult of Martyrs”, *Journal of Conflict Resolution* 5(57): 881–904.
- Filin, N.A. (2015) “Obrazy, simvol’y i slogany massovykh protestov «zelenogo dvizheniia» v Irane (2009–2020 gg.)” [Images, symbols and slogans of mass protests of the “green movement” in Iran (2009–2020)], *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiia, Istoriiia. Mezhdunarodnyye otnosheniia* 1: 107–116.
- Middleton, P. (2014) “What is martyrdom?”, *Mortality: Promoting Interdisciplinary Study of Death and Dying* 2(19): 117–133.

Медиа и Русская православная церковь

Рецензия на: Stähle, H. (2021) *Russian Church in the Digital Era*. Routledge. — 224 pp.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-328-334>

Религиозный ренессанс конца 1980–1990-х годов изменил радикальным образом статус Русской

православной церкви (РПЦ): из организации, подвергавшейся репрессиям, она превратилась во влиятельный общественный институт. Новый статус привлек к ней внимание ученых. Рассматривались различные аспекты влияния церкви на публич-

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».

ную сферу¹, но вопрос о роли медиа в процессе возвращения РПЦ в публичную сферу редко попадал в поле внимания исследователей. Авторы, изучающие русское православие в медиасфере, преимущественно анализируют отношение православных к цифровым технологиям², специфику религиозной цифровой коммуникации³, но оставляют без внимания роль медиа в форми-

ровании публичного образа РПЦ. Книга Анны Штеле «Русская церковь в цифровую эпоху», находясь на пересечении двух исследовательских полей, во многом восполняет этот пробел.

Книга выстроена на материале диссертации, подготовленной при университете Пассау в 2015–2018 годах. Отталкиваясь от тезиса о медиатизации религии⁴, Штеле рассматривает медиа как важный канал формирования репрезентации РПЦ в секулярном обществе. Анализ разворачивается в рамках трех связанных между собой нарративов: первый описывает социально-политический контекст, в котором церковь выстраивает свои отношения с медиа, второй — медиастратегию РПЦ, третий — то, как цифровые медиа используются для критики церкви. Каждый из них представляет интерес для специалистов, изучающих различные аспекты православия: историю РПЦ, политические и социальные аспекты ее активности, ее взаимодействие с медиа.

Штеле обращается к многочисленным источникам, большая часть из которых впервые стала предметом исследовательского внимания: блоги и группы в социальных сетях, контент онлайн-медиа, данные опросов

1. О роли РПЦ в (де-)секуляризации общества см.: Karpov, V. (2010) "Desecularization: A conceptual framework", *Journal of Church and State* 52(2): 232–270; о политизации православия см.: Кнорре Б. Русское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 42–103; о влиянии РПЦ на образовательную политику см.: Iakimova, O. A., Menshikov, A. S. (2019) "Religious Education in Russian Schools: Plans, Pains, Practices", *Changing Societies & Personalities* 3(4): 373–387; активность РПЦ как нового игрока в идеологическом поле анализируется в работе Stoeckl, K. (2016) "The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur", *Religion, State and Society* 44(2): 132–151.
2. Suslov, M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag.
3. Например: Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 207–234.

4. Hjarvard, S. (2013) *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge.

РОМИР, ФОМ, Левада-центра⁵, а также официальные документы властных инстанций. Скрупулезный и всесторонний обзор является несомненным достоинством книги, которая, с одной стороны, подготавливает почву для дальнейших исследований, предлагая детальное описание медиастратегии РПЦ, а с другой, архивирует критически важные документы, которые в силу разных обстоятельств исчезают из Сети.

Первые две главы представляют собой описание контекста. Штеле начинает с рассмотрения парадоксов постсоветской религиозности: для большинства идентификация с православием имеет скорее культурный, нежели религиозный характер. Как следствие, церковь востребована обществом и властью как идеологический ресурс, но усиление ее позиций встречает критику в обществе. Экспансия православия в публичную сферу и ответная критика задают тот контекст, в котором РПЦ формирует свою медиастратегию. Взаимодействие церкви с медиа зависит также от того, как устроен ее административный аппарат и какие цели он перед собой ставит. Штеле рассматривает, как менялась церковная структура после интронизации патриарха Кирилла. В частности, наметился общий

курс на сближение церкви с государством, усилилась кооперация в идеологической сфере; произошло укрепление административной вертикали внутри церкви.

Третья глава посвящена исследованию медиастратегии РПЦ⁶. Хотя это понятие не используется в церковных документах, автор обоснованно вводит его, чтобы обозначить комплекс мер внутри РПЦ, направленных на усиление ее медиаприсутствия. Опираясь на внутрицерковные документы и выступления официальных представителей РПЦ, Штеле выделяет две цели соответствующей медиастратегии. Во-первых, она стимулирует развитие миссионерской работы там, где находится современная церковная паства, то есть в медиа. Во-вторых, она призвана конструировать положительный образ церкви в противовес высказываемой в адрес церкви критике. Реализация такой медиастратегии предполагала определенные институциональные преобразования, такие как учреждение Синодального отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ, должности епархиальных пресс-секретарей. Усиление административной

5. Признан иностранным агентом в 2016 году.

6. С анализом медиастратегии РПЦ можно также ознакомиться в этой работе: Штеле А. В поисках нового языка: медийная стратегия патриарха Кирилла // Московский Центр Карнеги. 16.05.2017 [<https://carnegie.ru/2017/05/16/ru-pub-69951>, доступ от 10.02.2022].

вертикали внутри церкви и вытеснение полемики по церковным вопросам за пределы церкви во многом определило характер этой медиастратегии: она централизована и идеологически монолитна.

В четвертой, пятой и шестой главах показывается, как цифровые медиа становятся площадкой для конструирования различных критик в отношении церкви. Это позволяет высветить, что упомянутая медиастратегия плохо адаптирована к цифровым медиа, где коммуникация децентрализована и полифонична. Чтобы проиллюстрировать различные типы критики церкви, Штеле выбирает три кейса: перформанс Пусси Райот (получил распространение через интернет), обсуждение деятельности РПЦ в выступлениях YouTube-блогеров и работа сайта Ahilla.ru. Во-первых, аргументирует Штеле, в интернете в большинстве случаев критика церкви не является антирелигиозной. Блогеры, не обладая достаточным знанием о православии, руководствуются представлениями, тиражируемыми традиционными медиа (р. 208). Объектом критики становится не столько сама религия, сколько общественно-политическая деятельность церкви. Во-вторых, цифровые медиа (в отличие от традиционных) предоставляют различным группам внутри церкви площадку для обсуждения существующих про-

блем. Штеле подчеркивает, что дискуссия ведется не в теологической плоскости — она сфокусирована на политических, идеологических и финансовых вопросах.

В своей аргументации Штеле исходит из теоретической посылки, согласно которой различные типы медиа по-разному формируют публичные представления о церкви. Во многом это связано с модусом их функционирования. Так, традиционные медиа⁷, работающие по принципу *one-to-many* и контролируемые государством, утверждают культурную значимость православия. Сотрудничество с государством позволяет церкви имплицитно влиять (например через принятие соответствующих законов) на то, как православие фреймируется в традиционных медиа; в частности, исключать критику и дискуссию, касающуюся существующих проблем. Одновременно с этим цифровые медиа, использующие модель *many-to-many* и не требующие серьезных финансовых вложений, нарушают монополию традиционных медиа на репрезентацию РПЦ. Их используют «диссидентские» внутрицерковные группы, антиклерикально настроенные граждане и атеисты — для критики церкви. Однако сама эта теорети-

7. К традиционным медиа автор относит те, которые доминировали в доцифровую эпоху: телевидение, радио, газеты, журналы.

ческая посылка нуждается в критическом рассмотрении.

Появление социальных сетей было воспринято исследователями оптимистично: довольно много работ посвящено способности социальных сетей усиливать влияние отдельных пользователей и незащищенных социальных групп в публичной сфере⁸. Этот оптимизм отчасти сформировал исследовательскую повестку в отношении цифровых медиа, и в какой-то мере он прослеживается в книге Штеле. Начиная с 2011 года социальные сети, действительно, давали много поводов для оптимизма. В ходе арабской весны, движений Occupy Wall Street, 15М и других они были важным инструментом в борьбе протестующих с гегемонией политических и экономических элит⁹. Однако спустя несколько лет институты и акторы, для которых социальные сети изначально представляли угрозу, научились использовать их в своих интересах. Они настолько укрепили свое присутствие в социальных сетях, что стали там не менее заметными, чем их идеологические противники. В некоторых ситуациях были задействованы механизмы цензуры

и самоцензуры для уменьшения нежелательного контента. Эти изменения, с одной стороны, вызвали волну пессимизма в отношении цифровых медиа, а с другой стороны, показали важность рефлексии над тем, как исследователи теоретизируют роль медиа. Нормативистские установки исследователей имплицитно формируют видение предмета и тем самым ограничивают горизонт анализа, ожидания самих исследователей.

Таким образом, оптимизм в отношении цифровых медиа, присутствующий в книге Штеле, влияет на анализ. В частности, из поля зрения автора выпадает активная работа священников и мирян в интернете: с 2015 года начинают активно создаваться православные группы в социальных сетях, у батюшек и матушек появляются страницы и каналы с многотысячной аудиторией. В отличие от работы епархиальных пресс-секретарей и приходских сайтов, их деятельность не регламентируется¹⁰, она децентрализована и представляет собой пространство скорее свободной дискуссии¹¹, нежели на-

8. Zuckerman, E. (2014) "New Media, New Civics?", *Policy & Internet* 6(2): 151–168.
9. Tufekci, Z., Wilson C. (2012) "Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square", *Journal of Communication* 62(2): 363–379.

10. Grishaeva, E., Shumkova, V. (forthcoming) "Spreading the Gospel Message on Social Media". Agency Manifestation of Media Practitioners in the Russian Orthodox Church".
11. Жосул Е. Медиапаства — не бараны // С-Т-О-Л. 2.02.2022 [<https://s-t-o-l.com/material/26626-mediapastva-ne-barany/>, доступ от 10.02.2022].

правленной критики. Цифровые медиа становятся важной площадкой для миссионерской работы, однако, вследствие негативного отношения к медиа среди архиереев, она чаще оказывается инициированной снизу. В этом смысле трудно говорить о существовании какой-то общецерковной стратегии.

Помимо этого, изменения медиаландшафта в России за последние несколько лет подводят нас к необходимости задуматься о важности контекста, в котором функционируют медиа и который существенно влияет на то, критический или лояльный контент доминирует в медиа различного типа. С 2012 года усиливается контроль за интернетом, а с 2015-го увеличивается число случаев уголовного и административного преследования за критический и сатирический контент, в том числе религиозный. Как следствие, цифровые медиа перестали быть безопасной площадкой для критики: обсуждение любой деятельности становится объектом законодательной регламентации и самоцензуры. Кроме того, само разделение на традиционные и цифровые медиа постепенно утратило смысл с активным переходом первых в интернет: они имеют свои сайты, блоги, каналы на YouTube. Необходимость рефлексии стала отчетливо видна после 2018 года, когда эти тенденции проявились с особой отчетливостью.

Книга Штеле документирует ситуацию 2012–2017 годов, то есть относится к периоду, когда собиранся материал, но не учитывает указанных тенденций, которые в то время были менее значимы. Рассмотрение влияния политического климата на то, как происходит (ре)презентация православия в интернете, может стать предметом дальнейшего анализа.

Современные медиаисследования зачастую не поспевают за своим объектом: хорошее исследование требует времени. Однако то, что книга не учитывает изменения последних лет, несколько не уменьшает ее актуальности и не умаляет ее достоинство — скрупулезный анализ тех тенденций, которые были представлены наиболее ярко на момент ее написания.

Екатерина Гришаева

Библиография / References

- Богданова О. Медиазация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 207–234.
- Жосул Е. Медиапаства — не бараны // С-Т-О-Л. 2.02.2022 [<https://s-t-o-l.com/material/26626-mediapastva-ne-barany/>, доступ от 10.02.2022].
- Кнорре Б. Русское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Ма-

- лашенко, С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 42–103.
- Штеле А. В поисках нового языка: медийная стратегия патриарха Кирилла // Московский Центр Карнеги. 16.05.2017 [<https://carnegie.ru/2017/05/16/ru-pub-69951>, доступ от 10.02.2022].
- Bogdanova, O. (2020) “Mediatizatsiia pastyrstva v Russkoi pravoslavnoi tserkvi: predposylki formirovaniia saitov s voprosami sviashchenniku” [Mediatization of Pastoral Care in the Russian Orthodox Church: Reasons Behind ‘Ask the Priest’ Websites], *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 38(2): 207–234.
- Hjarvard, S. (2013) *The Mediatization of Culture and Society*. London: Routledge.
- Iakimova, O.A., Menshikov, A.S. (2019) “Religious Education in Russian Schools: Plans, Pains, Practices”, *Changing Societies & Personalities* 3(4): 373–387.
- Karpov, V. (2010) “Desecularization: A Conceptual Framework”, *Journal of Church and State* 52(2): 232–270.
- Knorre, B. (2014) “Russkoe pravoslavie. Postsekuliarnaia institucionalizatsiia v prostranstve vlasti, politiki i prava” [Russian Orthodoxy. Post-secular institutionalization in the realm of power, politics and the law], in A. Malashenko, S. Filatov (eds) *Montazh i demontazh sekularnogo mira*, pp. 42–103. Moscow: ROSSPEN.
- Staehle, A. (2017) “V poiskakh novogo iazyka: mediinaia strategiiia patriarkha Kirilla” [In Search of New Language: Patriarch Kirill’s Media Strategy // Carnegie Moscow Center], *Moskovskii Tsentrii Karnegi*, May 16 [<https://carnegie.ru/2017/05/16/ru-pub-69951>, accessed on 10.02.2022].
- Stoeckl, K. (2016) “The Russian Orthodox Church as moral norm entrepreneur”, *Religion, State and Society* 44(2): 132–151.
- Suslov, M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag.
- Tufekci, Z., Wilson C. (2012) “Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square”, *Journal of Communication* 62(2): 363–79.
- Zhosul, E. (2022) “Mediapastva — ne barany” [Media flock — not idiots], *S-T-O-L*, February 2 [<https://s-t-o-l.com/material/26626-mediapastva-ne-barany/>, accessed on 10.02.2022].
- Zuckerman, E. (2014) “New Media, New Civics?”, *Policy & Internet* 6(2): 151–68.

Obolevitch, T. (2019) *Faith and Science in Russian Religious Thought*. Oxford: Oxford University Press. — 220 pp.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-334-340>

Книга Терезы Оболевич «Вера и наука в русской религиозной мысли» с предисловием Пола Вальера (Paul Valliere) стала важной вехой в системном изучении

истории русской религиозной философии от ее истоков. При этом закономерно были избраны ключевые понятия, через которые рассматривается огромная